

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA

V

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2018

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. V

Редактор: Григорий Утгоф

Корректоры: Дарья Дорвинг, Антон Кюналь

В оформлении обложки использована картина Николая Кормашова из цикла «Причудье» (середина 1960-х). Таллинн. Частное собрание

Авторское право © Авторы статей, 2018

Copyright © by Vladimir Nabokov, 2018, courtesy of the Berg Collection at the New York Public Library, used by permission of The Wylie Agency (UK) Limited (статья «О поэзии»)

Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2018

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus

Narva mnt 25

10120 Tallinn

www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

Ю. И. Красносельская (Москва). Кто оставил Льва Толстого в Петербурге? (Флигель-адъютантская протекция в жизни и творчестве писателя) 9

II

А. Ю. Балакин (С.-Петербург). Неизвестная рукопись ранней редакции сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» 41

О. В. Макаревич (С.-Петербург). «Новая назидательная книга»: Неизвестный отзыв Н. С. Лескова на перевод “The Pilgrim’s Progress” Дж. Баньяна 62

А. Л. Соболев (Москва). Письма М. О. Гершензона к А. В. Звенигородскому..... 80

М. Г. Сальман (С.-Петербург). О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме (По архивным источникам)..... 133

А. А. Долинин (Мэдисон / С.-Петербург), Г. М. Утгоф (Таллинн). Неизвестная рецензия Набокова..... 209

Р. Д. Тименчик (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой 256

КРИТИКА

С. Н. Доценко (Таллинн). Знакомая незнакомка: Рец. на кн.: «Заре Григорьевне Минц посвящается...: Публикации, воспоминания, статьи. К 90-летию со дня рождения»..... 315

БИБЛИОГРАФИЯ

Иоанна Пиотровска (Варшава). Лев Толстой в Польше:

Материалы к библиографии (1990–2008) 329

Abstracts..... 353

Kokkuvõtted 357

Авторы этого выпуска..... 361

Авторам будущих выпусков..... 364

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

КТО ОСТАВИЛ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ПЕТЕРБУРГЕ?

(«ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТСКАЯ» ПРОТЕКЦИЯ
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ)

Ю. И. Красносельская
(Москва)

В ноябре 1855 г. Л. Н. Толстой приезжает из Севастополя в Петербург (как принято считать, в качестве курьера), однако обратно к месту своей постоянной службы уже не возвращается. Он был прикомандирован к Санкт-Петербургскому ракетному заведению, а через год и вовсе ушел в отставку с военной службы. При этом, как признают исследователи, перевод боевого офицера в столицу едва ли мог осуществиться «просто так», т. е. без достаточно высокой протекции, что, в свою очередь, порождает вопрос о лицах, которые могли Толстому такую протекцию оказать. В настоящей работе мы предложим свою версию на этот счет, полагая, что таковыми могли быть флигель-адъютанты А. Д. Столыпин и Д. С. Горчаков. Чтобы подтвердить эту гипотезу, мы попробуем разобраться, как вообще воспринималась молодым Толстым, будущим автором беспощадных открытых обличений «царя и его помощников», проблема протекции, насколько и в каких случаях он считал возможным прибегать к ходатайству перед властью имущими. Мы покажем, что наиболее эффективным Толстому казалось именно флигель- или генерал- адъютантское заступничество, и опишем эту специфическую модель протекции. Наконец, мы покажем, как литературный материал (главным образом, «Война и мир») подтверждает наличие такой модели, но в то же время деформирует ее, что свидетельствует о попытках писателя эстетически скорректировать, облагородить свою реальную тактику поведения, «отчистив» ее от прозаических и не всегда для него лестных подробностей,

которыми сопровождалось в действительности его продвижение по службе.

Сам Толстой в поздние годы высказывал фантастическое предположение, что его перевод в столицу был сделан по личному распоряжению Николая I, прочитавшего «Севастополь в декабре месяце». Об этом, в частности, сообщает Д. П. Маковицкий, воспроизводя следующий разговор в кругу семьи Толстых:

Софья Андреевна: Николай Павлович, прочитав «Севастополь в декабре», послал фельдъегеря, чтобы Л. Н. оттуда отозвать.

Бирюков: Этот факт сомнителен. «Севастополь в декабре» был напечатан позже.

Л. Н.: Нет, это так было. «Севастополь в декабре» был читан у императрицы, тетушки жили во дворце. Мне начальник артиллерии¹ сказал, что <мой перевод состоялся> по приказанию государя. Я написал в декабре и очень скоро появилось. Но, может быть, он в рукописи читал (Маковицкий 1979а, 1: 347).

Однако эта версия неправдоподобна потому, что Николай I умер в феврале 1855 г., т. е. до появления первого из севастьяпольских рассказов в июньском номере «Современника» за 1855 г. По другой версии, исходящей опять-таки от самого писателя, помощь Николая была скромнее. Он якобы просто распорядился перевести талантливого писателя со знаменитого четвертого бастиона в более безопасное место, о чем сообщает немецкий биограф Толстого Рафаэль Лёвенфельд, общавшийся с Толстым в 1890-е гг.: «В мае Лев Толстой был переведен в Бельбек, на правую сторону речки Бельбек, и назначен командиром горной батареи» (Лёвенфельд 2011: 222). Однако и здесь говорится уже о том, что происходило после смерти императора Николая. Можно, конечно, предположить, что Толстой спутал Николая с его преемником Александром II. Александр действительно читал «Севастополь в декабре» – он получил оттиск рассказа от П. А. Плетнева (в свое время преподававшего

¹ Имеется в виду А. О. Сержпутовский (к Толстому не благоволивший) или, вероятнее, начальник штаба артиллерии Н. А. Крыжановский, с которым Толстой общался после ухода с военной службы.

будущему императору словесность), о чем Толстому сообщал И. И. Панаев в письме от 31 мая 1855 г. (Толстой 1978, 1: 122). Известно, что государь ценил и дебютное сочинение Толстого – «Детство» и даже плакал, читая его в 1856 г. (об этом см.: Красносельская 2012: 154–162). Однако назначение Толстого на Бельбек состоялось 15 мая, т. е. еще до прочтения царем севастопольского рассказа (см.: Толстой 1937b, 47: 43), так что и версия о его вмешательстве нуждается в дополнительных подтверждениях. Важными в этой связи представляются разыскания А. В. Ткачева, показавшего, что решающую роль в судьбе Толстого могло сыграть посещение Александром Крыма в конце октября 1855 г., т. е. незадолго до отправления Толстого в Петербург (см.: Ткачев 2013: 635–647). Добавим, что, возможно, именно тогда произошла встреча Толстого с братьями императора великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами (также ставшими к тому времени поклонниками писательского мастерства Толстого), о которой Толстой рассказывал в старости Маковицкому:

Л. Н.: В моем представлении Михаил Николаевич и Николай Николаевич («старший») – мальчики. Они пришли ко мне в Севастополе, чтобы познакомиться.

Кто-то спросил: «Как?»

Л. Н.: Как к писателю. Николай Николаевич был годов на пять моложе меня (Маковицкий 1979b, 2: 258).

Этот факт слишком серьезен, чтобы списать его на ошибку памяти – по всей вероятности, такая встреча действительно состоялась и могла предопределить судьбу Толстого. Еще раньше, по случаю первого прибытия великих князей в действующую армию в октябре 1854 г., Толстой записывает в дневнике: «Завтра приезжают Князья. Пускай это будет для меня эпохой» (Толстой 1937b, 47: 26). И все же, хотя факт императорского и (или) великокняжеского вмешательства в его жизнь очевидно имел место, в этом деле должны были быть посредники, обратившие внимание государя или членов императорской фамилии на талантливого офицера, способные улаживать административные или какие-либо иные нюансы,

неизбежно возникавшие при подобного рода бюрократических перестановках². Даже лично видевшимся с Толстым великим князьям нужно было напоминать о нем, нужно было уметь замолвить за него словечко в подходящий момент. Собственно, и сам Толстой, подчеркивая роль Николая I в изменении своей участи, указывал на такие «промежуточные инстанции» в лице начальника артиллерии и своих тетушек.

Двоюродные тетки Толстого – Александра и Елизавета Андреевны Толстые – состояли при дворе и в этом смысле действительно представляли собой влиятельный «канал»: первая, с которой Толстого связывали очень доверительные отношения, была фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, вторая – наставницей ее младшей дочери Евгении Максимилиановны. Любимая «бабушка» Толстого, Александра Андреевна Толстая, вроде бы кажется самым влиятельным лицом из окружения Толстого. Однако, как отмечала она в своих воспоминаниях, ее сближение с писателем произошло позднее, в Швейцарии, в 1857 г.: «Вижу его совершенно ясно уже по возвращении его из Севастополя (1855 г.) молодым артиллерийским офицером и помню, какое милое впечатление он произвел на всех нас. <...> В первые два или три года нашего знакомства мы виделись с ним довольно часто, но более урывками. Дороги наши были слишком различны. Я была тогда уже при Дворе, а он появлялся в Петербурге только наездом» (Толстой и Толстая 2011: 11). К тому же, Толстой в своих письмах А. А. Толстой конца 1850-х гг. слишком уж часто подтрунивает над «Трубой», как называет он Двор, что едва ли было бы возможно, будь он в долгу перед этой самой Трубой, т. е. будь он в недавнем прошлом зависим от своих придворных знакомых.

² По мнению С. В. Венюковой, способствовать переводу в Санкт-Петербургское ракетное заведение мог приятель и сослуживец Толстого Л. Ф. Баллюзек, прежде служивший в нем. Однако тот скорее мог обеспечить «технический» перевод на это новое место службы, чем способствовать Высочайшей воле о переводе. См.: Венюкова 1979: 117. Еще одним потенциальным заступником за Толстого кажется нам Д. А. Милютин, будущий военный министр, однако вопрос о его связях с Толстым требует отдельного рассмотрения.

Еще одна гипотеза относительно высоких покровителей Толстого принадлежит А. В. Ткачеву, предположившему, что таковым был Ф. И. Тютчев, считавшийся другом императрицы Марии Александровны и познакомившийся с Толстым примерно в это же время (см.: Ткачев 2013: 602–612). Оригинальности этой версии придает то, что подтверждается она скорее художественным, чем документальным материалом. Ткачев считает Тютчева прототипом дипломата Билибина из «Войны и мира» и использует диалоги этого героя с князем Андреем, а также ряд обстоятельств биографии последнего в качестве косвенного подтверждения своей догадки. Так, поездка князя Андрея из главной квартиры Кутузова в Брюнн, ко двору австрийского императора Франца, с сообщением о победе над армией Мортье, в романе описывается как «знак особой милости главнокомандующего»: «Отправление курьером, кроме наград, означало важный шаг к повышению» (Толстой 1979, 4: 190). Так и главнокомандующий русской армией М. Д. Горчаков, по мнению Ткачева, отправил Толстого в столицу с сообщением о страшном взрыве пороховых складов неприятеля, которое не могло не обрадовать Петербург (см.: Ткачев 2013: 572–587). Далее, Билибин в «Войне и мире» призывает князя Андрея не возвращаться на войну, считая ее проигранной, а геройство в этих условиях – безрассудством: «Куда и для чего вы поедете теперь, когда вы можете оставаться здесь? Вас ожидает одно из двух <...>: или не доедете до армии и мир будет заключен, или поражение и срам со всею кутузовскою армией» (Толстой 1979, 4: 207). Сходную альтернативу, согласно Ткачеву, должен был обрисовать и Тютчев при встрече с Толстым, рассуждая об уже очевидном провале крымской кампании. Единственное, что смущает исследователя, это возраст героя: Билибин, в отличие от Тютчева, молод, он ровесник и приятель князю Андрею. Кроме того, Болконский, как мы помним, советов Билибина как раз не слушается, мечтая о своем Тулоне.

На наш взгляд, помощь Тютчева исключать нельзя, но разница в возрасте, общественном положении и даже степени литературного признания (как впоследствии подчеркивал сам Толстой, «Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, молодому писателю, честь и пришел

ко мне». – Гольденвейзер 2002: 153) едва ли позволила бы Толстому обсуждать с Тютчевым вопрос своего перевода. Что касается других литераторов, способных похлопотать за своего собрата по перу и одновременно небезызвестных при дворе, то теоретически можно предположить также участие Плетнева, владельца журнала «Современник», преподнесшего государю, как уже говорилось выше, оттиск опубликованного здесь «Севастополя в декабре месяце». Но все же сложно поверить, что Плетнев стал бы хлопотать в ходе своей встречи за незнакомого ему лично на тот момент молодого писателя. Сохранившиеся два письма Плетнева Толстому от 1862 г. указывают на то, что и позже их отношения не были близкими: как пишет Плетнев 13/25 февраля 1862 г., возобновляя прервавшееся общение с Толстым, «немного раз привел Бог видеться мне с Вами; но память об этих часах, проведенных мною в Вашем обществе, никогда не пропадет у меня» (Толстой и Плетнев 1927: 23). Подобный тон, указывающий на то, что Плетнев чувствует себя польщенным возобновлением общения с Толстым, был бы едва ли возможен в разговоре с человеком, которому адресант прежде оказал важную услугу и который, соответственно, скорее сам должен испытывать благодарность адресанту. Преподнесение патриотического военного рассказа императору использовалось редакцией «Современника» в других целях: оно помогло журналу получить разрешение публиковать военные и политические материалы, чего он уже давно добивался. И хотя соредактор Некрасова по «Современнику» Панаев и пишет Толстому, что литературный Петербург молится за то, чтобы Бог сохранил Толстого для славы русской литературы (см.: Толстой 1978: 122–123), едва ли он мог оказать более действенное содействие толстовскому переводу в столицу.

Таким образом, вопрос о покровителях Толстого кажется нам по-прежнему нерешенным, что и заставляет переносить его обсуждение в более широкую плоскость. Определив, насколько вообще писатель считал допустимым обращаться за чьей-либо помощью для продвижения по службе, кому он мог довериться в подобных щекотливых обстоятельствах, мы сможем приблизиться и к ответу о конкретных его помощниках.

Молодому Толстому неоднократно приходилось использовать неофициальные каналы для разрешения бюрократических вопросов. Проволочки и неудачи преследовали его почти с самого приезда на Кавказ, с того момента, когда он не смог вовремя вытребовать документы из Тулы для зачисления на военную службу. Чуть позже он ходатайствует о получении офицерского чина, потом об отставке, не получив которую решает перевестись с Кавказа в Южную армию; наконец, вынашивает план стать адъютантом Горчакова. Все это требовало и личных хлопот, и обращения к родственникам и знакомым. Последний путь – «через кого-то» – был явно предпочтителен для Толстого – не только потому, что на Кавказе возможности его личного участия в решении такого рода проблем были ограничены по объективным причинам, но и потому, что ему самому не очень хотелось подобными вещами заниматься. Чаще всего он просит похлопотать за себя брата Сергея – ср. письма с просьбами ускорить его производство в офицеры в 1853 г.:

17 апреля: «Я знаю наверное, что могут произвести на месте, и что это делается. Нужно только попросить об этом кого-нибудь из значущих лиц в Петербурге в Штабе Фельдцейхмestера, где и должно находиться мое представление. Не найдешь ли ты путь к кому-нибудь из этих Г[оспо]д через Горчаковых А. И. или С. Д. или через Толстых Праск. Вас.» (Толстой 1935, 59: 231).

26 ноября: «Необходимо, чтобы кто-нибудь похлопотал о моих бумагах в Герольдии, но так как я уже потерял из вида своих петербургских знакомых, то напиши – ты – кому-нибудь <...>» (Толстой 1935, 59: 250).

С просьбой о переводе в Южную армию Толстой уже сам обращается к Горчаковым: 2 октября 1853 г. он записывает в дневнике, что хочет «писать письмо К[нязю] А[ндрею] И[вановичу] и С[ергею] Д[митриевичу]» (Толстой 1937а, 46: 176). С. Д. Горчаков переправляет докладную записку Толстого о переводе его в действующую армию своему брату М. Д. Горчакову, командующему в тот момент войсками, расположенными в Молдавии и Валахии, и

информирует об этом Толстого: «Письмо от меня к брату Михайле уже написано и пойдет 19 числа с вашей запиской – что будет не знаю, но написано родственно. Дай бог, чтобы удалось» (Толстой 1935, 59: 252). Как видим, Горчаковы задействованы не просто как высокопоставленные знакомые, от которых зависит карьера Толстого, но и как родственники. Князь А. И. Горчаков, генерал от инфантерии, при котором некогда состоял адъютантом отец Толстого, был троюродным братом бабки писателя. М. Д. и С. Д. Горчаковым Толстой приходился троюродным племянником и, несмотря на отдаленность родства, близко общался с семьей С. Д. Горчакова с детства (Горчаковы выведены под фамилией Корнаковы в толстовской автобиографической трилогии). В дневниках времен военной службы Толстой даже упрекает себя за то, что «тщеславился» перед другими офицерами своей связью с Горчаковыми (см.: Толстой 1937а, 46: 164).

Переведясь в Южную, а затем в Крымскую армию, Толстой в 1855 г. задумывает новый план – стать адъютантом М. Д. Горчакова (в феврале того же года назначенного главнокомандующим Крымской армией), а помочь ему в этом должно было рекомендательное письмо его тетки П. И. Юшковой. Письмо он передает, для вручения Горчакову, своему приятелю Е. П. Ковалевскому – т. е. действует опять-таки не напрямую, а через цепочку доброжелателей. Как мы полагаем, именно такой тип ходатайства (не личный, а через родственников и друзей) был для Толстого не просто наиболее доступным (кого, в самом деле, в первую очередь просить о помощи, как не родных?), но и единственно возможным, поскольку не оскорблял его самолюбия, не шел вразрез с его нежеланием прислуживаться. Будучи человеком гордым и независимым, Толстой не раз подчеркивал свое отвращение к заискиванию перед вышестоящими по службе. Так, по поводу письма Юшковой он пишет 7 мая 1855 г. другой тетке, Т. А. Ергольской: «<...> успех, т. е. выдвигаться по службе, почести... я не создан для этого. Представьте себе, я не мог себя заставить снести князю письма тети Полины и поручил это своему приятелю, который сказал мне 2 дня спустя, что князь сказал, чтобы я в тот самый день пришел к нему обедать;

я пошел, но он и не заметил моего присутствия, вероятно забыв, что он собирался мне сказать, а я не из тех, которые о себе напоминают. Так что мое единственное желание – быть его адъютантом, теперь не осуществится» (Толстой 1935, 59: 315).

Таким образом, Толстой одновременно и стремится сделать служебную карьеру («тщеславие – желание чинов, крестов» (Толстой 1937b, 47: 40) – это один из основных недостатков, которые он замечает за собой и с которыми пытается бороться), и в то же время надеется, что она сделается как-нибудь «сама», словно без его участия. Так, в дневниках он выражает желание, чтобы Горчаков сам обратился к нему с предложением стать его адъютантом (см.: Толстой 1937b, 47: 38). Понятно, что при таком щепетильном отношении к делу на людей малознакомых вроде Тютчева Толстой полагаться бы не стал. Вскоре по приезде в Петербург, 20 ноября 1855 г., он в письме сестре М. Н. Толстой четко формулирует свое кредо в этом вопросе, упоминая о еще одном литераторе, который якобы был готов оказать ему содействие: «Тургенев <...> говорит, что со вчерашнего же вечера поведет батареи, чтоб меня не впускали назад в армию, а я ему говорю, что и сам этого хочу, но ни за что не сделаю ни одного шага для этого, и ежели он хочет делать, то делал бы так, чтоб я не знал, а то я ему помешаю» (Толстой 1953, 61: 369–370). Хотя реальная помощь Тургенева, как справедливо указывает Ткачев, сомнительна, здесь важен все тот же тип косвенного – «с закрытыми глазами» – согласия на помощь.

Из этого же письма следует, что сам по себе приезд Толстого в Петербург еще не застраховывал его от возвращения в Крым, о чем следовало хлопотать отдельно. И, как нам кажется, в ближайшем окружении Толстого в этот момент были люди, которые могли оказать ему соответствующую помощь, не ставя его в неудобное положение просителя. Таковыми кажутся, в частности, А. Д. Столыпин и Д. С. Горчаков – хорошие приятели Толстого по Южной армии. Последний, племянник М. Д. Горчакова и сын С. Д. Горчакова Дмитрий, приходился Толстому четвероюродным братом. В какой-то степени во второй половине 1850-х гг. Горчаков и Толстой

породнились и со Столыпным – примерно в это время он женился вторым браком на дочери М. Д. Горчакова Наталье³.

При этом, Горчаков и Столыпин были не просто сослуживцами или родственниками Толстого, но и близкими ему по духу людьми. Аркадий Дмитриевич Столыпин, состоявший адъютантом при начальнике артиллерии Южной, а потом Крымской армии, был одним из тех офицеров, с которыми Толстой задумывал издавать журнал для солдат⁴. Он оказался одним из наиболее обязательных участников этого проекта – когда журнал не был разрешен, Столыпин подготовил для «Современника» статью «Ночная вылазка в Севастополе», которая и была напечатана Некрасовым. В 1855 г. он был пожалован во флигель-адъютанты с переводом в Лейб-гвардии конную артиллерию (см.: Милорадович 1886: 129). В это же время сходным образом изменилась судьба Д. С. Горчакова. Как указывает близко знавший его С. Д. Шереметев, «в один из приездов его в Петербург из Главной квартиры действующей армии, он был назначен Императором Александром II флигель-адъютантом» ([Шереметев] 2005: 370). Если Столыпин вступил в звание 14 июня 1855 г., то непосредственно перед ним, указом от 7 мая того же года, в это же звание был произведен Горчаков (см.: Милорадович 1886: 128).

Правда, рассказ Шереметева о переводе Горчакова в Петербург опровергает представление о том, что родственные связи могли играть исключительно на руку молодым офицерам. Опровергает он отчасти и идею Ткачева о том, что Толстой мог быть направлен в Петербург только с такими известиями, которые произвели бы благоприятное впечатление и соответственно способствовали бы его карьерному росту (см.: Ткачев 2013: 579–587). Как пишет Шереметев, Горчаков «испытал на себе все неудобства иметь своим начальником человека рыцарского закала, кн. Михаила Дмитриевича, не желавшего, чтобы его подозревали в потворстве

³ Точная дата женитьбы неизвестна, однако стоит принять во внимание, что старший сын Столыпина от этого брака Михаил появился на свет в 1859 г.

⁴ Его послужной список см. в: Кольян 2009: 173–184.

своему племяннику. В Петербург он его отправил не с известием о победе, а с самыми мрачными депешами, так что появление такого вестника должно было произвести самое неблагоприятное на государя впечатление. К удивлению, случилось наоборот: его назначили флигель-адъютантом. Павлоградский гусар, появившийся во дворе и в светских салонах, резко отличался от господствующего и надоедавшего типа безукоризненных гвардейцев» (Шереметев 2004: 228). Таким образом, повторимся, приезд в столицу представлял собой только половину дела для искателя «карьеры и фортуны»; не менее сложной задачей было в Петербурге остаться.

Как показал Ричард Уортман, в годы правления Александра императорская свита удваивается в своих размерах, поскольку претерпевает изменения сам государственный сценарий: если любовь Николая I к парадам и гвардии была продиктована его страстью к дисциплине и исполнительности, то отношение нового императора к свитским офицерам было основано на «любви», на идее взаимной преданности государя и его подчиненных: «Александровские парады были <...> презентацией общности западноевропейских монархов и русской дворянской элиты <...>. Образчиком этой изысканной военной культуры была императорская Свита, группа генерал-адъютантов, появляющихся вместе с императором на всех парадах и церемониях. Александр был первым императором, который взошел на трон в чине адъютанта императорской Свиты, и он щедро раздавал свитские назначения. Его отношения с адъютантами были мягкими и дружескими. Он обращался с ними почти как с друзьями, крестил их детей, навещал их, когда они были больны» (Уортман 2004: 188–189). Почти синхронно назначенные флигель-адъютантами Столыпин и Горчаков, очевидно, вызывали такую симпатию государя и могли общаться с ним не только в официальной обстановке. Так, А. Ф. Тютчева сообщает в дневнике (правда, уже за 1858 г.) о спиритическом сеансе, который состоялся у Александра II под руководством знаменитого Юма и на котором, в том числе, присутствовал «адъютант Горчаков» (Тютчева 1990: 175). Как отмечает, в свою очередь, Шереметев, было время, когда и

«императрица Мария Александровна была очень внимательна к Горчакову» (Шереметев 2004: 228). Это внимание могло использоваться для помощи друзьям – напомним, что на роль императрицы в своем деле обращал внимание и Толстой.

Таким образом, назначение Столыпина и Горчакова флигель-адъютантами приходится как раз на то время, когда новый император знакомится с толстовским военным рассказом. При этом, судя по дневникам Толстого, со Столыпиным он продолжал активно общаться и дальше, в 1856–1857 гг., когда уже сам прибыл из Севастополя в столицу. В это время Толстой переживает период увлечения «чистым искусством», и Столыпин оказывается близок ему уже не столько как армейский приятель, но и как любитель музыки, ставший известным организатором музыкальных вечеров (а впоследствии и председателем Московского филармонического общества). О таких вечерах, устраивавшихся у Толстого и Столыпина, сообщает, например, В. П. Боткин (см.: Боткин и Тургенев 1930: 112). Сходились и их литературные вкусы – так, в письме А. В. Дружинину от 30 апреля [1857] г. Столыпин называет Дружинина и Боткина самыми для него «симпатичными авторитетами в слоге и в образе мыслей» (Письма к Дружинину 1948: 302), что вполне соответствовало и тогдашним толстовским симпатиям. Какой из Горчаковых упоминается в дневниках Толстого этого времени, определить сложнее. По мнению редакторов ПСС, в записи от 10 января 1857 г. («Приехал Стал[ыпин], Горчак[ов] и Бремер». – Толстой 1937b, 47: 110) речь идет о младшем брате Д. С. Горчакова Александре, однако мы полагаем, что кандидатура Д. С. Горчакова в данном случае не менее вероятна. Шереметев прямо называет Толстого «большим приятелем» Д. С. Горчакова, человеком, принадлежавшим «к его поколению и к его мировоззрению» (Шереметев 2004: 229, 352). Более того, Д. С. Горчакова называли «истинным художником» ([Шереметев] 2005: 372) по натуре, человеком, «восприимчивым к музыке», что также делало его интересным для Толстого собеседником ([Шереметев]